

З. М. ДУБРОВИНА, А. С. ГЕРД (Ленинград)

### ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ

Среди лексики, заимствованной из восточных прибалтийско-финских языков в русские говоры Карелии, значительное место принадлежит звукоподражательным и изобразительным глаголам с суффиксами *-айда-* (*-анда-*), *-яйда-* (*-янда-*), *-ейда-* (*-енда-*), составляющим самую многочисленную группу заимствованных глаголов. Это глаголы типа *арандать*, *булейдать*, *вярендать*, *кобайдать*, *легайдать*, *чиландать*, *шигайдать* и т. п. Около тридцати таких глаголов можно найти у Я. Калима (J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen, Helsinki 1919 (MSFOu XLIV)). Многие из них приводятся в Словаре областного олонецкого наречия Г. Куликовского (Санкт-Петербург 1898). Глаголы этого типа неоднократно привлекали внимание советских языковедов, как русистов, так и финно-угроведов.<sup>1</sup> Изучение собранных в послевоенное время материалов диалектологических экспедиций кафедры русского языка Ленинградского государственного университета<sup>2</sup> позволило обнаружить в русских говорах Карелии около 80 таких глаголов.

Касаясь ареала глаголов рассматриваемого типа, отметим основные микрзоны, в которых зарегистрировано наибольшее число таких глаголов, — Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обонежье (Вытегорский район Вологодской области), бассейн рек Оять и Свирь не южнее р. Капши, Карельское Беломорье, Каргополье, оз. Лача. Из общего числа слов в Прионежье зарегистрировано 75, в Заонежье — 52, в Пудожье — 55, в Обонежье (Вытегра) — 56, на Ояти — 25, на Свири — 13, на карельском берегу Белого моря — 12, на р. Онеге (Каргополье) — 7, в Сегежском районе — 3, на р. Онеге в Плесецком районе — 1.

Как в семантическом, так и в морфологическом отношении рассматриваемые глаголы образуют самостоятельную ярко очерченную группу. Абсолютное большинство их составляют экспрессивные глаголы, обозначающие шумы, звуки и движения живой природы. Для передачи звуковых образов служат, например, глаголы: *бузандать* 'жужжать (о мухе, пчеле)' (ср. вепс. *buzaita* 'жужжать'); *бярайдать* 'блеять (об овце)' (ср. вепс. *böraitta* 'мычать (о быке)', *börišta* 'жужжать (об ово-

<sup>1</sup> Т. Г. Доля, В. С. Суханова, Об усвоении прибалтийско-финских заимствований в русских народных говорах Карелии. — Ученые записки Петрозаводского университета, 1967, т. 14, вып. 7, с. 85—93; И. В. Сало, Влияние прибалтийско-финских языков на северно-русские говоры поморов Карелии. Канд. дисс., Петрозаводск 1966 и др.

<sup>2</sup> Материалы хранятся на кафедре русского языка Ленинградского государственного университета в картотеке Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей.

де)', олон.-кар. *börineh* 'жужжание, бормотание', фин. *pöriä, päriä* 'шум, треск'); *калайдать* 'греть, стучать (напр. о посуде)' (ср. вепс. *kalaita*, олон.-кар. *kolišta* то же); *корандать* 'квакать (о лягушке)' (ср. вепс. *koraita* '1) храпеть, 2) квакать (о лягушке)', кар. *kurnuttoa*, фин. *kurnuttaa* 'квакать (о лягушке)'); *мурайдать* 'ворчать, рычать (о собаке)', мурлыкать (о кошке) и т. п.' (ср. олон.-кар. *murišta* 'рычать (о собаке)'); *нюрандать* 'плакать, хныкать (напр., о ребенке)' (ср. вепс. *ñurkta* 'хныкать (о ребенке)', олон.-кар. *ñurkita* 'печалиться'); *пиней-дать* 'пищать (о комаре)' (ср. олон.-кар. *piñoi* 'комар', вепс. *piñišta* 'пищать' (*säsk piñižeb korvan jures* 'комар пищит под ухом'<sup>3</sup>)); *ряжандать* или *рядчандать* 'хрустеть (о хворосте); трещать, греть' (ср. вепс. *räčkta* 'трещать, греть (о громе)', олон.-кар. *ročkua* 'трещать'); *рямей-дать* 'стучать, греть (напр., о посуде, стекле)' (ср. вепс. *rämäita*, олон.-кар. *rämištä* то же); *улайдать* 'выть в голос, громко плакать' (ср. вепс. *ilaita* 'выть', олон.-кар. *ulišta* 'выть (напр., о собаке, волке)'); *шигайдать* 'шипеть' (ср. вепс. *šihaita* 'шипеть (о змее, о самоваре)', фин. *sihistä* 'шипеть'); *шолндать* 'шуметь, булькать (о воде)' (ср. вепс. *šolaita, šoleita* 'журчать (о ручье)', фин. *solista* то же).

Для обозначения характера движения служат, например, глаголы: *вилайдать* 'струиться (напр., о воде, ручье)' (ср. олон.-кар. *vilistä* 'струиться, извиваться (о реке); кишеть', фин. *vilistä* 'кишеть'); *кобайдать* 'делать что-л. медленно, копошиться' (ср. вепс. *kobaita, kubaita* то же, вост.-фин. *kupettua* 'медленно двигаться', олон.-кар. *kupettua* 'чесать (ся)'); *легайдать* 'полюхать, мелькать (о пламени)' (ср. олон.-кар. *lekottua* 'гореть полыхая', вепс. *lekotada* 'тяжело дышать, запыхаться'); *либайдать* 'дрожать (напр., от холода)' (ср. олон.-кар. *lipettä* 'моргать (глазами)', вепс. *lipitada* то же); *рибайдать* 'волочить что-л. по земле' (ср. олон.-кар. *ribištä* 'тащиться, волочиться', *ribižuttiä* 'волочить', вепс. *ribaita* '1) обтрепаться (о краях ткани), 2) пошевеливаться'); *сяран-дать* 'дрожать (от холода, страха)' (ср. вепс. *säraita*, олон.-кар. *särištä* то же); *чибайдать*, *сибайдать* 'моросить (о дожде)' (ср. олон.-кар. *čipettä* то же); *чигайдать* 'дымить, чадить (напр., о лучине)' (ср. олон.-кар. *čihistä* 'гореть с чадом, шипением (напр., о сырых дровах, лучине)', вепс. *čihaita* 'бурчать, ворчать').

Две трети рассматриваемых глаголов составляют глаголы речи. Причем очень часто такие значения, как 'производить шум, издавать звуки (о животных)', с одной стороны, и 'болтать, пустословить, быстро говорить, кричать, ворчать, бормотать, гнусавить, хныкать, стонать', с другой, совмещаются в одном глаголе. Например, *арандать* '1) рычать (о собаке), 2) ворчать, ругаться', *бурандать* '1) урчать (в живот), 2) ворчать, ругаться', *варайдать* '1) лаять, мяукать, 2) ворчать, брюзжать, ругаться', *мурайдать*, *мурандатель* '1) мурлыкать, мычать, 2) ворчать, напевать', *равайдать*, *равандатель* '1) мурлыкать, ворчать (о кошке), 2) плакать, голосить'.

Морфологическая структура таких глаголов тоже однотипна: к односложной глагольной основе, оканчивающейся на согласный (*ар-*, *вил-*, *кал-*, *коб-*, *лег-*, *мур-*, *ур-*, *хел-*, *чиб-* и т. п.), присоединяются суффикс *-айда-* (*-анда-*) или его варианты *-ййда-* (*-янда-*), *-еййда-* (*-енда-*), *-инда-*, возникшие под влиянием гармонии гласных, и русский показатель инфинитива *-ть*. Суффикс *-айда-* заимствован из вепсского языка вместе с изобразительными и звукоподражательными глаголами. Ср. вепс. *kobaita* — рус. *кобайдать* 'делать что-л. медленно, копошиться', вепс. *pižaita* — рус. *пижайдать* 'пищать, плакать (о ребенке)', вепс.

<sup>3</sup> Вепские примеры: М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепсского языка, Ленинград 1972.

*ribaita* — рус. *рибайдать* 'волочить что-л. по земле; бежать трусцой', вепс. *räbaita* — рус. *рябайдать* 'трещать, дребезжать', вепс. *robaita* — рус. *робайдать* 'трещать, булькать (при кипении)', вепс. *taraita* — рус. *тарайдать* 'трещать, скрипеть, верещать, пустословить', вепс. *šabaita* — рус. *шабайдать* 'шуршать, производить тихий шум', вепс. *ulaita* — рус. *улайдать* 'выть, плакать', вепс. *čilaita* — рус. *чилайдать* 'звенеть, журчать'. Всего около 50% заимствованных глаголов имеют вепсские соответствия на *-aita-*. Согласный *t* в русском языке между гласными озвончился ( $t > d$ ). Впрочем, *d* выступает и в вепсском языке в гласной основе этих глаголов (*ulaidan, ribaidan* и т. п.).

Широкое распространение получил также вариант суффикса *-анда-*, который ни по значению, ни по употреблению не отличается от *-айда-*. Очень часто и тот и другой варианты могут присоединяться к одной и той же основе, не внося никаких изменений в значение глагола: *варайдать* — *варандать*, *гурайдать* — *гурандять*, *калайдать* — *каландать*, *кобайдать* — *кобандать*, *легайдать* — *легандать*, *мугайдать* — *мугандать*, *нюгайдать* — *нюгандать*, *равайдать* — *равандать* и т. д. Есть десятки основ, с которыми употребляются оба варианта суффикса.

Возникновение вариантов суффикса с согласным *-н-* (*-анда-*, *-янда-*, *-енда-*) объяснимо косвенным влиянием прибалтийско-финского глагольного суффикса, представленного в финском языке как *-nta-*, *-ntä-* (*alentaa* 'снижать', *kohentaa* 'поправлять, исправлять', *täydentää* 'дополнять'), в карельском как *-nta-* (*-nda-*) ~ *-ntä-* (*-ndä-*) (олон.-кар. *alendua* 'снижать', *kohendua* 'поправлять, исправлять'), в вепсском как *-nda-* (*kohtenda* 'чинить, ставить заплату'). Однако следует отметить, что в прибалтийско-финских языках этот суффикс не образует звукоподражательных и изобразительных глаголов. Из заимствованных в русские говоры только *парандать* 'готовить, устанавливать что-л., ставить капкан, заряжать ружье' имел этот суффикс в прибалтийско-финском оригинале (ср. вепс. *parandan* то же), но и этот глагол не является изобразительным.

Говоря о фонетическом и морфологическом облике рассматриваемых глаголов, можно отметить также, что они сохранили прибалтийско-финское ударение на первом слоге основы и некоторые остатки гармонии гласных, обусловившие появление двух вариантов суффикса (*-айда-* и *-яйда-*, *-анда-* и *-янда-*). Приспособившись к нормам русского языка, они приобрели префиксальное и суффиксальное оформление (ср. *пижайдать* — *распижайдаться*, *калайдать* — *покалайдать*, *арайдать* — *заарайдать*, *чибайдать* — *зачибайдать*, *прочибайдать* и т. п.). Иногда от таких глаголов образуются существительные (напр., *кобайдун* 'копуша').

Проникнув в русские говоры Карелии непосредственно из вепсского и карельского языков, глаголы на *-айда-ть* (*-анда-ть*) с их вариантами стали постепенно излюбленной и универсальной моделью для заимствования вообще звукоподражательных и изобразительных глаголов, а также для образования подобных глаголов от исконно русских основ. По этому типу были усвоены изобразительные и звукоподражательные глаголы, которые в карельском и вепсском оригинале не содержат суффикса *-aida-*, а образованы либо с помощью характерного для таких глаголов в карельском языке суффикса *-ize-*, *-ize-* (например, олон.-кар. *ulišta* 'выть' — *uližen* 'я вою', *murišta* 'рычать', *vilištä* 'кишеть'), либо с помощью других суффиксов. Например, *вилайдать* 'струиться (о воде)' (олон.-кар. *vilištä* 'струиться, извиваться; кишеть'); *верендять*, *вярендять* 'сильно плакать, болтать, пустословить' (вепс. *värišta* 'дрожать, плакать', олон.-кар. *värištä* 'дрожать'); *киляндать* 'звенеть' (олон.-кар. *kilištä* 'звенеть, позвякивать'); *легайдать* 'полыхать, мель-

кать (о пламени)' (олон.-кар. *lekottua* 'гореть полыхая', вепс. *lekotada* 'тяжело дышать, запыхаться'); *лечайдать* 'течь, протекать' (вепс. *läčkotada* 'шлепать', олон.-кар. *läčkiä* 'плескаться(ся), шлепать'); *либайдать* 'дрожать' (вепс. *lipitada* 'моргать глазами', олон.-кар. *lipettiä* то же); *нюрандать* 'хныкать, плакать' (вепс. *ñürkta*, олон.-кар. *ñurkita* то же).

По этой модели стали создаваться и собственно-русские новообразования типа *рёвендать* от *реветь*, *рёв*, *гурандать* от *гуркать*, *фырайдать* от *фыркать* и т. п. Некоторые глаголы данного типа являются, по-видимому, результатом контаминации или двойного заимствования: рус. *лопотать* → вепс. *lorotada* 'шлепать, хлопать, тараторить, лопотать' → рус. *лобайдать*, *лобандать* 'стучать, шуметь, кричать, громко говорить'; рус. *нюхать* → вепс. *ñühaita* 'нюхать' → рус. *нюгайдать* 'тихо говорить, мямлить, гнусавить'; рус. *бурчать* → вепс., олон.-кар. *burışta* 'бурчать (в животе)' → рус. *бурайдать* 'ворчать себе под нос'; рус. *шарaxаться* → вепс. *šarahtada* 'шарaxнуться' → рус. *шарайдать* 'шуршать, шелестеть'; рус. *пицать* → вепс. *pižaita* '1) пищать (о ребенке), 2) хлюпать (о грязи)' → рус. *пижандать* 'пищать, стонать'. Иногда смешение столь велико, что трудно сказать, идет ли речь о заимствовании или о приспособлении исконно русских слов к господствующему типу. Например, *пыгайдать* 'пыхтеть, сопеть' могло возникнуть либо из олон.-кар. *pihistä* 'шипеть (о паре)', либо из рус. *пыхтеть*; *орайдать* 'петь' — либо из олон.-кар. *örištä* 'реветь; рычать (напр., о медведе)', либо из рус. *орать*.

Таким образом, общеизвестный тезис о проницаемости для иноязычных влияний лексического уровня языка и непроницаемости морфологического уровня языка на рассматриваемом материале подтверждается лишь в первой своей части, но не подтверждается во второй. Изобразительные и звукоподражательные глаголы на *-айда-ть* (*-анда-ть*) не только в большом количестве были заимствованы из карельского и вепсского языков в русские говоры Карелии, но и стали образцом для создания новых глаголов этого типа как на базе других заимствованных основ, так и на собственно русском материале, т. е. в какой-то степени была усвоена и сама морфологическая модель. Столь глубокое взаимопроникновение разносистемных языков стало возможным в условиях устойчивого многовекового билингвизма, который существует в ряде районов Карельской АССР и Ленинградской области, где карельское и вепсское население живет в тесном контакте с русскими и жители хорошо владеют двумя языками.

Следует отметить, однако, что в настоящее время в Прионежье, в Заонежье и в Пудожье глаголы на *-анда-ть*, *-айда-ть* встречаются все реже, а многие из слов, помещенных в словаре Г. Куликовского, уже неизвестны. Напротив, относительно высокая частота употребления подобных глаголов характерна, например, для Ояти, т. е. для таких районов, где русские и вепсы и сегодня находятся в условиях непосредственного контакта.

Интересным представляется также вопрос о причинах заимствования столь большого количества звукоподражательных и изобразительных глаголов из прибалтийско-финских языков в русский. Говоря о дескриптивных глаголах, Л. Хакулинен отмечал, что эта категория слов в финском языке настолько многообразна и жизненна, что ее следует считать одной из характерных особенностей словарного состава финского языка.<sup>4</sup> Это в полной мере можно отнести также к карельскому и вепсскому языкам. Как отмечал Э. Леннрот, изобразительные глаголы составляют одно из украшений языка «Калевалы». Для русского же языка такие глаголы не характерны. Объяснение причин заимствования самого типа таких глаголов, чуждых русскому языку, можно найти в

<sup>4</sup> Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка II, Москва 1955, с. 18.

высказывании О. Йесперсена: «Слова заимствуются не только из-за каких-то культурных потребностей, но и потому, что их звуковая форма тоже в какой-то степени является выразительной, красноречивой». <sup>5</sup> Эту точку зрения поддерживает и развивает П. Равила. <sup>6</sup>

На первых порах русским казалось, что иноязычные слова с их необычным звучанием лучше и образнее передают звуки и явления природы, чем свои привычные слова. Позднее оказалась усвоенной и сама словообразовательная модель.

<sup>5</sup> O. Jespersen, *Language*, с. 409.

<sup>6</sup> P. Ravila, *Onomatopoeettisten ja deskriptiivisten sanojen asema kielen äännesysteemissä*. — *Vir.* 1952, с. 262 и сл.

Z. M. DUBROVINA, A. S. GERD (Leningrad)

#### DESCRIPTIVE AND ONOMATOPOEIC VERBS OF BALTIC-FINNIC ORIGIN IN THE RUSSIAN DIALECTS OF KARELIA

This article deals with descriptive and onomatopoeic verbs with suffixes *-айда-* (*-анда-*), *-яйда-* (*-янда-*), *-ейда-* (*-енда-*) of the type *булейдать*, *вилайдать*, *кобайдать*, *легайдать*, *нюрандать*, *рибайдать*, etc. widely spread in the Russian dialects of Karelia. The materials for the Dictionary of Russian Dialects of Karelia (the Russian language chair of Leningrad State University) collected during the postwar decades contain over 80 verbs of the type; these verbs characterize mainly sounds and movements of the surrounding reality. These verbs have been borrowed from Vepsian and Karelian. The authors came to the conclusion that alongside with concrete verbs the corresponding semantic-morphological pattern was borrowed, which further allowed to form verbs of the type from the borrowed stems or even the Russian source material. Such profound mutual influence between languages of different systems is possible only due to bilingual conditions which have existed for a few centuries in some districts of the Leningrad region and the Karelian ASSR.